

О СОТРУДНИЧЕСТВЕ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА

Петр (Мещеринов), игум.

I

В начале лета мне довелось представлять Патриарший центр духовного развития детей и молодёжи при Даниловом монастыре, сотрудником которого я являюсь, в Государственной Думе. На круглом столе, посвящённом вопросам демографии, компетентные, заинтересованные и болеющие за дело люди со всех концов России излагали печальную статистику и те или иные предложения для исправления катастрофической ситуации в этой области. В ходе обсуждения выкристаллизовались две основные точки зрения. Одна – что необходима пропаганда многодетности, престижа семьи, что нужно изменять современную антисемейную идеологию, противопоставляя ей идеологию иную, позитивную, и т.д. Другая, высказанная автором этих строк, сводилась к тому, что люди не просто рожают детей, а воспитывают и всячески обеспечивают их. В связи с этим демографическая проблема в некотором смысле вторична, ибо она зависит от проблемы нестабильности семьи вообще. Нежелание иметь много детей происходит во многом от отсутствия государственной поддержки и от тревоги за будущее своих детей, которую внушают людям так называемые "реформы", а на деле коммерциализация образования и здравоохранения, невозможность улучшить жилищные условия, положение в армии и многое другое. Кроме того, в силу нашей исторической памяти, идеология в нашей стране может быть действенной не иначе, как только если она подкреплена конкретными делами. Если же просто внушать людям: рожайте! семья – это "круто"! – а не способствовать этому продуманной социальной политикой, то пропаганда даст обратные результаты; к тому же Государственная Дума – как раз такое учреждение, которое и призвано, и имеет реальную возможность решать именно социальные проблемы.

Была на круглом столе представлена и третья точка зрения. Её озвучил присутствующий на заседании ещё один священник. Своё выступление он начал так: "ну, к сожалению, Церковь у нас пока ещё отделена от государства..." По аудитории пронёсся неодобрительный шум. (Меньше всего мне бы хотелось, чтобы читатель воспринял мои слова как порицание моего собрата – достойнейшего пастыря и прекрасного человека. Я говорю исключительно об образе мыслей, о высказанной позиции.) Далее батюшка сослался на Библию, которая говорит, что семья – это хорошо, и заговорил о том, что решить демографические вопросы может Церковь. "Опыт показывает", говорил батюшка, "что когда Церковь присутствует, например, в тюрьмах – там лучше дисциплина; в армии – меньше дедовщины; в школах дети меньше шалят..." Но несмотря на это, Церковь в лице священников особо никуда не пускают, и это – корень зла. Решение проблемы – допустить духовенство в школы, детские учреждения и вообще всюду. "Недавно в одном из городов России Церковь провела специальную пропагандистскую компанию – и рождаемость там сразу повысилась...", закончил своё выступление батюшка. Присутствующий на заседании депутат от названного священником города довольно громко усомнился в этом, а сидевший рядом со мною чиновник министерства образования, с которым мы по ходу круглого стола время от времени обменивались репликами, наклонился к моему уху и сказал: "ага, пусти вас..." Батюшку вежливо выслушали, поблагодарили за выступление, и

дискуссия опять пошла между первым и вторым вариантом. Третья точка зрения не повлияла на ход её, хотя многие участники круглого стола и говорили о важности сотрудничества Церкви и государства.

По окончании заседания мой сосед объяснил мне свою позицию. "В своё время", рассказал он, "я был начальником районного управления областного департамента образования. Мы решили ввести Основы православной культуры. Я захотел послушать урок ОПК и отправился в одну из школ. Пришёл батюшка – в шестой класс. Половину занятия он рассказывал детям об этих... как это у вас... ну, то, что после смерти..." "Мытарства", – подсказал я. "Во-во, про мытарства. Затем он как-то сразу перешёл на Царя-мученика и стал говорить, что мы непременно должны восстановить самодержавие, потому что только этим мы можем спасти Россию; а в конце урока заявил, что нам обязательно нужно противостоять глобализации, а для этого девочки всегда должны ходить в юбочках и косынках. После этого урока я распорядился, чтобы в моём районе нога священника не переступала больше порога школ... Я верю в Бога, и я вовсе не против Церкви, но я – простите меня, батюшка – против вашего сословия. Вот вы всё требуете, а что вы можете взамен-то дать? С вами дело иметь очень трудно, вы как будто из XIX века вывалились..."

Я возвращался из Государственной Думы в монастырь, и, сдавливаемый со всех сторон своими соотечественниками в московской подземке, думал о словах, которые мне было неприятно слышать... но на которые и нечего было возразить. Вот я сам, лично, убедился, что чиновники, которые "не пускают" Церковь – вовсе не злонамеренные или "купленные мировой закулисой" люди. Они искренне желают улучшения и исправления ситуации в нашей стране, но, при достаточном пиетете к Церкви не очень-то хотят иметь дело с её представителями – нами, клириками. И, похоже, они имеют для этого основания... Давайте же рассмотрим – какие.

II

И первое, о чём придётся сказать – это о своеобразном "клерикализме". И Церковь, и государство солидарны в том, что для полноты общественного блага важен и востребован опыт Церкви. Но чиновники контактируют в подавляющем большинстве с духовенством; и очень нередко возникает вопрос – а, собственно, выражаем ли мы, клирики, опыт Церкви? Наблюдая за современной церковной жизнью, я пришёл к выводу, что часто опыт Церкви подменяется опытом тех или иных конкретных священнослужителей... а это, увы, далеко не одно и то же. Духовенство (я не говорю, разумеется, обо *всех* клириках, и не о большинстве; но даже и некоторых представителей нашего сословия хватает, чтобы о нас складывалось нижеследующее впечатление) живёт в совершенно особых условиях. Рукоположение переносит человека в весьма специфическую сферу самооценки и отношений с миром; к сожалению, не все пастыри понимают и учитывают это. Мы привыкли быть "над" людьми, "сверху": нам должны благоговейно внимать, целовать ручку; в сообществе людей мы всегда первые. Мы можем изрекать всё, что нам придёт в голову ("от ветра головы своя", по словам Святейшего Патриарха Алексия II), и люди будут поддакивать нам и говорить: "правильно, батюшка!", или (с придыханием): "так батюшка сказал". Нередко мы думаем, что духовный сан делает нас компетентными абсолютно во всём, и считаем себя вправе с уверенностью и апломбом судить даже о тех вещах, о которых мы не имеем ни малейшего представления. Мы начинаем

злоупотреблять в разговорах, в том числе и там, где это совершенно неуместно, особой лексикой: "благословляю", "не благословляю", "за послушание", "смиряться" и проч. Мы говорим всем (кроме начальства, разумеется) "ты" – в том числе и людям, намного старшим нас. Мы искренно считаем, что все обязаны почитать нас, и привыкаем к беспрекословному подчинению нашим словам и распоряжениям. От всего этого многие из нас распускаются, начинают манипулировать людьми, считать, что наша паства обязана нам – в немалой степени – и материально... Всё это происходит в нашей весьма узкой церковной среде, и становится возможным потому, что многие церковные люди переносят (а мы, бывает, их так и воспитываем) смирение перед достоинством Церкви и почтение к священническому сану лично на носителей сана, на нас – независимо от нашего нравственного состояния. Святитель Феофан Затворник писал, что пастырь должен много и долго трудиться над собою, чтобы приобрести уважение и вес, заслужить доверие к себе – оно не обеспечивается автоматически просто наличием сана; немало клириков, увы, забывают это. Часто мы вместо образца доброты, такта, деликатности, воспитанности, уважения к людям, понимания их проблем являем собою прямо противоположные качества... От всего этого мы нередко "выпадаем из реальности" и становимся просто неадекватными людьми. Я не раз обращал внимание на то, что многие священники могут общаться только с народом церковным, а с "внешними" – не могут... последние, поговорив с таким батюшкой, пожимают плечами и чешут в затылке... Вот реальная картинка. Областной центр. Городская администрация. В здание входит священник с большой рыжей бородой, в кирзовых сапогах и с холщёвой сумой за плечами. Из этой сумы он достаёт бумажные иконки и иерусалимские белые свечи. "Раба Божий?", говорит он вахтёру. Тот в изумлении моргает, не понимая, чего от него хотят. "Имя как?", поясняет батюшка. "Валерий Сергеевич", лепечет вахтёр. "Вот, возьми иконку и свечку. Крещёный?" Валерий Сергеевич с трепетом (отнюдь, я думаю, не религиозным) кивает головой и берет неожиданный подарок. Батюшка вступает в коридор, по которому снуют туда-сюда озабоченные женщины с разными административными бумагами. Проходя мимо каждой, батюшка вопрошает: "раба Божия?", и т.д., см. выше. Женщины жмутся к стенам... им вручается иконка и свечка... наконец батюшка исчезает в нужном ему кабинете, нисколько не обращая внимания на очередь в него "простых" людей... Через час на стоянке батюшка садится в машину. К ней подходит охранник, говоря: "стоянка платная, десять рублей". Через оконную щель появляется купюра. Охранник берёт её, но священник, в свою очередь, её не отпускает, говоря: "надо жертвовать на Церковь-то!" Охранник тянет деньги к себе, батюшка – к себе. Некоторое время продолжается это "перетягивание каната" через приспущенное стекло; наконец купюра рвётся... охранник, махнув рукой, уходит... Батюшка при всём этом, вероятно, вряд ли задумывается, какой он производит "эффект": он живёт в своей реальности...

Но дело ведь в том, что (возвращаясь к нашей теме) то, что "проходит" в церковной среде, становится неуместным во всём остальном мире. Чиновники – люди в большинстве своём нецерковные, не знающие и не понимающие всех этих наших "примочек". Они вовсе не обязаны почитать нас и смиренно нам подчиняться. Они видят в нас не носителей непонятого им сана, а как бы равных себе, то есть ответственных в своей сфере адекватных и компетентных людей. Но оказывается, что нередко мы не соответствуем этому вполне естественному представлению. А ведь по нам судят о Церкви, да притом не частные лица, а люди, от которых действительно многое зависит. Достаточно одного батюшки, не знающего, о чём и как говорить с современными детьми – и школы всего

района остаются без ОПК. Священник устраивает, сам не видя того, "шоу" в областной администрации – и многие административные работники при слове "Церковь" ухмыляются и думают: а надо ли вообще с ними связываться? Один высокопоставленный человек, выдающийся нарколог и психолог, рассказывал мне, что его начавшееся воцерковление надолго остановилось после того, как священник сказал ему, что "мечтать – это грех"... В лице нас, клириков, Церковь нередко представляется неким странным заведением, перед которым чиновники должны "построиться" и "жертвовать". "Строиться" они не хотят, и мы начинаем обвинять их: они-де нас недооценивают, Церковь "не пускают", с нами дела иметь не хотят... а нужно не с "клерикальной", а с нормальной, человеческой точки зрения посмотреть: а *почему* не хотят? А вот именно потому, что в наше время недостаточно просто принадлежать к Православию и только лишь на этом основании что-то требовать от других. Сегодня нужно делами доказывать достоинство своего исповедания и соответствовать ему. Коль скоро мы действительно хотим сотрудничать с властью на благо наших соотечественников, а не просто "выбить деньги", выгнать протестантов или решить свои узко-партийные проблемы, мы должны не укорять чиновников, а посмотреть на себя со стороны и постараться *сначала* сделаться просто адекватными людьми, чётко осознавая пределы своей компетенции, *затем* – являть христианское учение в себе самих, быть образцом порядочности и культуры, и *только потом*, и только если это будет уместно, апеллировать к "духовности": цитировать Библию, раздавать иконки, призывать к жертвенности и определять для людей, что грех, а что не грех...

III

Есть и вторая проблема, препятствующая плодотворному сотрудничеству Церкви и государства. Область такового сотрудничества по преимуществу социальная; но у нашей Церкви на сегодня нет (или их крайне мало) концептуальных социальных программ. (Речь идёт не о том, чтобы Церковь подменяла собою деятельность или восполняла бездеятельность государства; имеются в виду *церковно-социальные* программы, направленные на выражение сущностной деятельности Церкви в обществе.) Мы совершенно справедливо заявляем, что в определённых социальных сферах опыт Церкви незаменим; но на данный момент у нас нет сколько-нибудь значимых общецерковных системных разработок, которые позволили бы успешно приложить этот опыт к реалиям сегодняшнего дня. В силу этого все наши благие желания и порывы не идут далее деклараций, в лучшем случае каких-то частных одномоментных акций. Декларации же, не подкреплённые продуманными чёткими и ясными планами с соответствующими для их выполнения средствами, чреваты двумя опасными вещами. Во-первых, это апелляция к чуду: пусть только духовенство в школы, в армию, etc. – и всё там само собою выправится к лучшему: дисциплина улучшится, дедовщина исчезнет, дети не будут хулиганить и т.д. Во-вторых, это вытекающая отсюда безответственность. Один знакомый священник, служащий на окраине небольшого российского городка, рассказывал мне, как однажды он, воодушевлённый епархиальным начальством, стал с амвона, в проповеди, призывать своих прихожан повышать рождаемость. После службы к нему подошла женщина и сказала: "батюшка! вот у меня двое детей. Мы с мужем получаем на двоих 10 000 рублей в месяц, едва сводим концы с концами. Хорошо бы, конечно, завести ещё детей; но как мы будем их содержать? Сможет ли наш приход помочь – выплачивать, например, хотя бы тысячи три-четыре в месяц?" Батюшка ответил: "мы бы рады, но, к сожалению, мы не

сможем... вот у нас крыша течёт, нужно платить за иконостас, я не могу найти денег, чтобы оплатить налоги и коммунальные услуги..." Женщина спросила: "ну, может быть, поможет епархия?" Батюшка невесело усмехнулся... и больше уже не проповедовал на эту тему.

Действительно, вот мы от лица Церкви бросаем те или иные призывы – а дальше что? Господь поможет? Все проблемы, материальные и социальные, чудесным образом разрешатся? К сожалению, чудеса совершаются в Церкви независимо от социального заказа и далеко не в массовом порядке... а в результате Церковь может выглядеть довольно безответственной, в том числе и перед чиновниками. Люди государственные хотят от нас реальных действий, проработанных планов, обдуманных программ – а их нет. Чиновники не знают, чего от нас, собственно, и ожидать, – ибо если нет чётко продуманной концепции, дело начинает зависеть от, так сказать, частных церковных лиц, занимающихся данной деятельностью, – а что им, каждому, в голову придёт, только один Бог знает. Чиновники рискуют – что это будет: ОПК или ИНН-щина... и предпочитают не рисковать.

Отсутствие вышеупомянутых социальных программ высвечивает, в свою очередь, ещё более важный вопрос – отсутствие системной деятельности внутри самой Церкви. В нашей современной церковной жизни масса проблем этого рода. Укажу некоторые: отсутствие концептуальной молодёжной работы, катехизации, благотворительности, миссии... В этих областях всё держится на энтузиастах, нередко несущих свой подвиг без какой бы то ни было поддержки со стороны церковных структур. Низок уровень образования духовенства. Не на высоте уровень преподавания в церковных учебных заведениях. В приходской жизни процветают магизм, старцепоклонничество, ужасающее невежество, доходящее до кликушества – достаточно вспомнить упомянутые уже пресловутые ИНН... и прочее, и прочее, и прочее. Вот я перечитывал недавно материалы Архиерейского Собора 2000 года. Святейший Патриарх Алексий II говорил о необходимости создания литургической комиссии, об упорядочении богослужения, о том, что молодёжная и катехизационная работа должна быть приоритетной и со стороны внимания пастырей, и со стороны средств... вот 2005 год на исходе – а воз и ныне там. Соответствующие этим задачам церковные структуры работают более чем недостаточно. – Я говорю об этом безо всякого осуждения: я понимаю, что нет сил, нет средств, нет кадров... Но это видят и люди внешние, и чиновники, которые вполне закономерно удивляются: как так? требуют от нас, чтобы их всюду "пустили", говорят, что они решат все наши проблемы, а у самих, в собственном, так сказать, доме, "конь не валялся"?

Очевидно, что Церковь может помочь обществу, когда она выявляет, осуществляет в жизни себя, Христову Церковь, а не когда она берёт на себя внешние вещи, пренебрегая при этом своим существенным внутренним содержанием. Завоевать авторитет и уважение и реально влиять на общество мы можем только, именно реализуя себя как Православную Церковь во всём богатстве её духовной и социальной жизни; а это невозможно без решения вышеназванных церковных проблем. А если мы не начнём их решать, наши интенции не будут никем воспринимаемы, потому что они останутся на уровне уже изрядно надоевших всем слов, но не реальных дел. Поэтому прежде, чем требовать, чтобы нас всюду "пустили", давайте сначала внутри, у себя, разберёмся, и начнём, наконец, что-то делать – хотя бы в меру тех сил и средств, которые есть у нас сейчас...

В заключение скажу, что из вышесказанного совершенно не следует, что я "против" сотрудничества государства и Церкви, или что его нужно отсрочить на неопределённое "потом", когда у нас внутри Церкви всё "засверкает". Не "против" я, а обеими руками "за" сотрудничество, и именно сейчас, не теряя драгоценного времени. Общество нуждается в Церкви – ибо, как я уже говорил, есть области, в которых её опыт незаменим и приоритетен, да и вообще, где исконные и прочные человеческие и общественные ценности, как не в Христовой Церкви? и Церковь нуждается в помощи государства для обустройства внешней стороны своего бытия. Я хочу лишь, чтобы в этом сотрудничестве Церковь выступала достойной самой себя, чтобы мы, её члены, а особенно пастыри, не бросали на неё тень, и чтобы сотрудничество это строилось на основе взаимного уважения, компетентности и профессионализма, а не одностороннего клерикализма и безответственности.

Напечатано в сокращении в Церковном Вестнике N 24, декабрь 2005, под названием "Быть понятым".

<http://kiev-orthodox.org/site/churchlife/1206/>